

Ю.В. Манн

Почему Собакевич расхваливает мертвых крестьян

<...>

Вы помните: в пятой главе Чичиков попадает к помещику Собакевичу, человеку хитрому, хозяйственному и прижимистому.

Чичиков просит его назначить цену на мертвые души, то есть на крестьян умерших, но числящихся еще в ревизских списках. И слышит в ответ фантастическую цифру: «по сту рублей за штуку!»

Чичиков осторожно напоминает, что ведь это не люди, они давно умерли и остался «один не осязаемый чувствами звук». Но Собакевич все эти соображения пропускает мимо ушей.

Далее между Собакевичем и Чичиковым происходит такой диалог:

«Да чего вы скупитесь? – сказал Собакевич, – право, недорого! Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня что ядреный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик. Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! ведь больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные. И не то, как бывает московская работа, что на один час, прочность такая, сам и обобьет и лаком покроет!»

Чичиков открыл рот с тем, чтобы заметить, что Михеева, однако же, давно нет на свете; но Собакевич вошел, как говорится, в самую силу речи, откуда взялась рысь и дар слова:

«А Пробка Степан, плотник? Я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика. Ведь что за силища была! Служи он в гвардии, ему бы бог знает что дали, трех аршин с вершком ростом!»

Чичиков опять хотел заметить, что и Пробки нет на свете; но Собакевича, как видно, пронесло; полились такие потоки речей, что только нужно было слушать:

«Милушкин, кирпичник! мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо, и хоть бы в рот хмельного! А Еремей Сорокоплекхин! да этот мужик один станет за всех, в Москве торговал, одного оброку приносил по пятисот рублей. Ведь вот какой народ! Это не то, что вам продаст какой-нибудь Плюшкин».

Разглагольствования Собакевича в свое время поставили в тупик критика Шевырева: «...Неестественно нам кажется, чтобы Собакевич, человек положительный и солидный, стал выхваливать свои мертвые души и пустился в такую фантазию. Скорее мог бы ею увлечься Ноздрев, если бы с ним сладилось такое дело».

Действительно: зачем Собакевичу расхваливать мертвых крестьян? Хотел ли он таким путем обмануть покупателя и внушить ему, что это люди живые? Едва ли: Собакевич, конечно, понимал, что Чичиков не так наивен. Да и трудно найти нормального человека, которого можно было бы поймать на такую удочку.

Очень тонко вел эту сцену М. Тарханов, исполнявший роль Собакевича на сцене Художественного театра в пьесе-инсценировке «Мертвые души». Биограф Тарханова Ю. Соболев писал, что в этой сцене Собакевич издевается над Чичиковым: «Вот уж когда рыбак увидел рыбака! Вот уж когда сошлись два мошенника, знающие друг о друге, что оба они мошенники!»

Практический ум Собакевича, его мошеннические хитрость и сметка — вне сомнения. Можно предположить и сознательное намерение его поиздеваться над Чичиковым — но все же это не больше чем предположение. Гоголь намеренно не раскрывает внутреннего мира своего героя, его истинных переживаний и дум. «Собакевич слушал, все по-

прежнему нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось в лице его. Казалось, в этом теле совсем не было души... все что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности». Словно перед нами фантом, а не человек.

Ну пусть еще в разговоре с Чичиковым за Собакевичем можно подозревать какую-то заднюю мысль; но спрашивается, зачем ему надо было повторять то же самое председателю палаты:

«...А вы, Иван Григорьевич, что вы не спросите, какое приобретение они сделали? Ведь какой народ! просто золото. Ведь я им продал и каретника Михеева.

— Нет, будто и Михеева продали? — сказал председатель. — ...Только позвольте, как же... Ведь вы мне сказывали, что он умер...

— Кто, Михеев умер? — сказал Собакевич, ничуть не смешавшись. — Это его брат умер, а он преживехонький и стал здоровее прежнего. На днях такую бречку наладил, что и в Москве не сделать. Ему, по-настоящему, только на одного государя и работать».

Обманывать председателя Собакевичу не было никакой необходимости. Говорить подобное было даже и небезопасно. И все же Собакевич не может удержаться, чтобы снова не пуститься в свои «фантазии» насчет проданных Чичикову крестьян.

Причем расхваливает он их так увлеченно, так чистосердечно раскаивается в про- даже, что едва ли можно сводить все только к желанию поиздеваться над Чичиковым.

Поэтому естественно предположить: Собакевич в какой-то мере действительно верит в то, что говорит. Ну примерно так, как верил завигающийся Хлестаков в то, что он один раз управлял департаментом и что его сам государственный совет боится (при всем различии этих двух персонажей — Хлестакова и Собакевича).

Шевырев называл поведение Собакевича неестественным. А на самом деле весь неподражаемый комизм речей Собакевича состоит в их полнейшей естественности, в том, что он с полной наивностью и простодушием сообщает вещи заведомо абсурдные. И потому-то Собакевич «не боится» председателя; потому-то его не смутило напоминание собеседника, что Михеев умер. Заведомого обманщика, может быть, это разоблачение поставило бы в тупик. Но Собакевич вышел из трудного положения с такой же легкостью, с какой Хлестаков «отвел» возражение, что «Юрия Милославского» написал Загоскин: «...Это правда, это точно Загоскина; а есть другой Юрий Милославский, так тот уж мой». Сравните логику ответа Собакевича: это точно, что Михеев умер, но брат его жив и стал здоровее прежнего...

Да и один ли Собакевич в гоголевской поэме верит в заведомо невероятное и абсурдное?

<...>